

Иногда, в бесконечном потоке болтовни политиков и обещаний слишком образованных священнослужителей, мы забываем, как могущественны слова. Глупец может сказать мало, пользуясь целым словарем. Но иногда достаточно одного слова, чтобы изменить всё ваше мировоззрение. Или, в данном случае, имени.

Ралакос.

Не то чтобы я полностью доверял ему. Я и тогда не был уверен, что способен полностью доверять кому-либо, кроме Майи. Но какая-то часть этого казалась абсурдной. Это напомнило мне высказывание Сефура, которое он сделал во время нашего похода через Эвервуд:

«Если однажды ты столкнулся с мудаком, значит, ты столкнулся с мудаком. Но если ты сталкиваешься с мудаком каждый день? Ты сам мудака».

Барион был отшельником с манией величия. Ралакос был богатым, уважаемым членом совета и магом. Но я должен был признать, что между ним и Ралакосом было сходство. Оба были эгоцентричны, умны и добры на первый взгляд. Они оба сделали всё возможное, чтобы помочь мне.

Какова же тогда вероятность того, что оба втайне действуют против меня?

Вероятность подобного казалась низкой. Чрезвычайно низкой.

Но всё же. Возможно, на подсознательном уровне какая-то часть меня признавала сходство. Вероятно, именно поэтому я так и не проникся симпатией к Ралакосу, несмотря на то, что он сделал всё возможное, чтобы меня радушно приняли и помогал с подготовкой к Святилищу.

Отчетливо помню, как он лгал на моем слушании, изображая возмущение по поводу нахождения меня в одной из камер магуса Гемона, как будто он впервые об этом услышал. Ложь была выдающейся. Настолько выдающаяся, что после я спросил об этом у Неттари и узнал, что да, он знал.

Само по себе это мало что значило. Но это говорило, что если Ралакос и действовал против меня, то я вряд ли это понял. Но все равно это казалось неправильным. Бариону пришлось исполнять свою роль всего неделю. Ралакос исполнял ее большую часть года. Неважно, насколько актёр хорош, в конце концов, что-то подлинное всё равно проскользнет. А я не почувствовал ни намека на враждебность со стороны Ралакоса.

И он рассказал мне о своём сыне. Одно дело — использовать своего мёртвого ребенка в качестве фигурки косса. Я знаю кое-что о родителях, которые использовали своих детей в качестве пешек. Но совсем другое дело — использовать его неоднократно.

«У тебя не будет друзей в анклав». Голос Майи эхом отдавался в голове.

Необходимо исключить себя из уравнения. Что бы произошло между членами совета, если бы меня здесь не было? Кому в итоге достался бы иллюзорный скипетр?

Я долго размышлял над этим. Эфира, на удивление, не прерывала меня. С её работой она, конечно, понимала, когда нужно молчать.

Наконец, я пришел к окончательному выводу.

Оставались считанные дни до нападения асμοдиалов на анклав. Пора было полностью смириться с тем, что это, скорее всего, не то, с чем можно справиться за одну попытку. Я слишком долго придерживался подобного мышления, используя перезагрузки как оправдание для большего риска, но не заходил так далеко, чтобы полностью отказаться от перезагрузок.

Я рассказал Эфире часть своего плана под предлогом укрепления нашего партнерства путем оказания ей помощи в приобретении скипетра. Артефакт действительно был ключом ко всему происходящему. Неважно, кто его купит, важно, кто завладеет им после и использует для создания моего двойника. После некоторых препирательств по поводу деталей она согласилась, выглядя весьма довольной результатом нашей встречи.

Я бросил еще один взгляд вниз, в истерзанные битвами глубины святилища, и пробормотал краткую молитву о том, чтобы моя судьба обернулась лучше, нежели их.

Список дел, которые необходимо было сделать, постоянно увеличивался, а времени на все не хватало. Эфира назначила встречу с Мифрал через четыре дня после нашего обеда, то есть примерно через неделю после дня нападения.

В мои обязанности входило сообщить подробности встречи Ралакосу и Персефоне. С первым всё было просто. Достаточно было бы просто обмолвиться об этом во время одной из наших встреч. Со второй было гораздо сложнее. После долгих раздумий я решил действовать так, как будто вообще ее не обманул, полностью оставив сапфир в стороне.

Оказалось, что Персефона либо не поняла, что мы взяли не тот, либо ей было всё равно. Весь смысл этой затеи заключался в том, чтобы взбудоражить Мифрал, и она добилась своего. Сам сапфир был просто бонусом. Я придумал историю о том, как меня схватили стражники Эфиры и допрашивали на тему скипетра, вытряхивали информацию о Персефоне, которую я «подслушал» у ее стражников.

За одну ночь, благодаря Персефоне и Эфире, я перешел от щепотки серебра, необходимой для получения ингредиентов зелий и алхимических настоек, к золоту, которого у меня оказалось так много, что я даже не знал, куда его деть.

Я пополнил запасы, которые почти исчерпал в поместье Мифрал. Удовлетворившись своими запасами, решил потратить деньги другим, более креативным способом.

Сначала я посетил начертателя. Идея магии надписей не давала мне покоя с тех пор, как Майя объяснила, что это такое, несмотря на все ее недостатки. Я намеревался начертать на своем теле несколько заклинаний, но оказалось, что уже слишком поздно. Самостоятельное наложение заклинаний было болезненным и требовало почти двух недель для восстановления. Еще проблематичней то, что это значительно ослабило бы меня, пока тело не приняло бы руны.

Поэтому я остановился на обычной старой магии надписей. Это стоило половину того, что я только что заработал, но в итоге купил два свитка: один послужит в качестве заклинания экстренного исцеления, а от второго я пришел в восторг. Свиток телепортации. Он стоил больше целого дома, но это того стоило. Больше меня не будут загонять в угол и разрывать на части. Если дела пойдут плохо, можно будет быстро выбраться.

Я почти бездумно установил место телепортации на дом Майи, но быстро понял, насколько это глупо. Это было бы так же глупо, как если бы заключенный, сбежавший из тюрьмы, перед бегством через океан посетил бы дом. Вместо этого установил точку телепортации на отдаленной крыше в жилой части города и припрятал несколько своих целебных мазей и алхимических средств, если таковые понадобятся.

Не потребовалось много усилий, чтобы убедить Кильвиуса и Неттари взять короткий отпуск. Я собирался растревожить логово неизвестного чудовища, и хотя они, конечно, были храбрецами, но не самоубийцами. Достаточно было упомянуть, что Ралакос возможно не союзник: одного этого было достаточно, чтобы с лица Неттари исчезла прежняя уверенность.

Кильвиус задал немало вопросов относительно моей встречи с Эфирой, и было ясно, что у него есть личная неприязнь к этой женщине, хотя не удалось выведать у него причину. Я дал им значительную часть своего оставшегося золота. Этого было более чем достаточно, чтобы снарядить экипаж с вооруженным эскортом и оплатить еду на несколько недель.

Джорра хотел остаться. Я почувствовал облегчение, когда вмешалась Неттари, избавив меня от необходимости изображать злодея.

Очень не хотелось говорить Джорре, чтобы он отвалил. Иногда он вел себя незрело, но этого следовало ожидать, учитывая его возраст. Помимо того, что Джорра был спарринг-партнером и возможным компаньоном в святилище, он показал себя с лучшей стороны.

Он попытался привести доводы в пользу того, что ему следует остаться. Затем Неттари бросила небрежный комментарий о том, что потом будет много времени для безрассудных ограблений домов, после чего я начал откашливаться, а Джорра покраснел в пурпурный цвет.

Я обнял Кильвиуса и Неттари на прощание, а Неттари принесла Агарина. При виде его у меня скрутило живот. Но я ничего не мог с собой поделать. Протянул палец, и он вцепился в него обеими руками, радостно вереща. Я почувствовал себя виноватым. С момента окончания последней перезагрузки я избегал Агарина, даже не обращал внимания на его крики, когда лежал без сна в постели, а он просыпался посреди ночи.

Из всего, что я видел, именно его образ беспокоил больше всего. Но в этом не было его вины.

Они уехали посреди ночи, оставив меня в доме одного, компанию мне составляли только мысли и воспоминания.

Когда карета Эфиры заехала за мной для встречи, она уже ждала меня внутри. Улыбаясь и радуясь тому, что мы теперь работаем вместе, она вручила мне подарок: новую маску. Качество было намного выше, и она была свежеевыкрашенна, но при этом была достаточно близка к моей прежней маске, чтобы считаться ее копией. Коротко обсудили встречу и решили, что будет лучше, если я приду замаскированным, не потому что обязательно нужно скрывать личность, а поскольку это, вероятно, сыграет нам на руку, если встреча пройдет так, как планировалось

— Знаете, я могла бы привыкнуть к этому. — Эфира задумчиво посмотрела на меня. — Иметь принца на побегушках.

— Вряд ли я у вас на побегушках. Наши...

— Интересы совпадают, да, я знаю. Но иногда так приятно притворяться, — сказала Эфира. Встреча проходила возле заброшенного карьера, и это была, по совпадению, единственная информация, которую я передал Ралакосу и Персефоне. Им пришлось бы провести немало исследований и поработать самостоятельно, чтобы сузить круг участников.

— Кем вы хотите выступить? — спросил я. — Клинком или молотом?

Глаза Эфиры были жесткими. — Время тонкостей прошло. Пришло время получить то, что мне причитается.

— Тогда молотом, — сказал я.

Мы вышли из кареты и двинулись по извилистому подъему к шахте. Я мельком увидел охранников Эфиры, прячущихся за полуразрушенным оборудованием и грудями мусора, в доспехах без опознавательных знаков. Персефона слишком долго была занозой в боку Эфиры, и теперь пришло время расправиться с ней.

Мурашки пробежали по моей шее, когда я посмотрел на воинов, притаившихся в ожидании. Вторил себе, что непомеченные доспехи ничего не значат. Логично было использовать людей без опознавательных знаков в подобной ситуации, но все равно это слишком напоминало засаду в Сумеречных пещерах.

Неважно, на чьей ты стороне. Ты здесь, чтобы потрясти дерево и посмотреть, что с него упадет.

Впереди слышался слабый шум спора, доносившийся из старого здания, похожего на

заброшенную столовую. У дверей стояли два стражника в табардах розового цвета и спокойно смотрели по сторонам, а несколько менее дисциплинированных мужчин в серой форме наемников вышагивали перед ними, не сводя с них пристальных взглядов. Напряжение было ощутимым еще до того, как мы вошли на сцену. Затем оно как-то резко возросло. Три группы охранников столкнулись лицом к лицу. Эфира вышла вперед.

— У меня встреча с мадам Дердре.

Один из охранников в розовом посмотрел на другого, в его выражении лица ясно читалось беспокойство. — Она сейчас немного занята, советник.

— Верховный советник. А как вас зовут? — ласково спросила Эфира. Не так давно этот тон был направлен в мою сторону, и я нисколько не завидовал стражнику.

— Хигат, мэ.

— Отлично. Хигат, позволь мне объяснить тебе, как все будет происходить. — Эфира шагнула вперед, а ее люди остались позади, чтобы не обострять ситуацию. — Ты просто выполняешь свою работу. Я понимаю. Но мое время драгоценно. Я не собираюсь угрожать тебе. Но что я сделаю, так это уйду. Именно так. Уйду. И все планы, которые ваш господин намеревался строить со мной, будут сведены на нет. Не мне предсказывать, как будет распределена вина, но... — Эфира позволила молчанию повиснуть. Стражники еще раз обменялись многозначительным взглядом, на этот раз с оттенком усталости, затем отошли в сторону.

— Только вы, — уточнил стражник.

— И мой спутник. — Эфира протянула руку в мою сторону.

— Хорошо. — Охранник закатил глаза. — Тогда только вы двое.

Мы вошли в двойные двери запущенного здания. По земле, покрытой пылью, были разбросаны обломки, а тусклый свет пробивался сквозь дыры в крыше. Учитывая аляповатый, вульгарный характер ее поместья, взлом и кража, должно быть, сильно потрясли Мифрал, раз она опустилась до такой низости.

Голоса спорящих становились все громче по мере того, как мы углублялись и проходили мимо нескольких других охранников, которые бросали на нас усталые взгляды, но не пытались остановить.

— Просто продай мне скипетр. Цена и так запредельная, он даже близко не стоит того, что я готова заплатить.

— После всего, через что я прошла за последнюю неделю? Можешь поцеловать меня в

задницу. Не имеет значения, как сильно ты кичишься своим авторитетом. Я уже близка к тому, чтобы отменить аукцион и оставить его себе. Ты можешь вернуться в Аид, мне все равно.

Я переступил порог и увидел Персефону, схватившую Мифрал за воротник. Она возвышалась над пухлой женщиной и, казалось, была готова броситься на нее.

Мифрал увидела меня и указала пальцем. — Ты!

Рот Персефоны перекосялся вниз. — Действительно, «ты».

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2466511>